
ПРОБЛЕМА ЖАНРА РОМАНА Е.Н. ЧИРИКОВА «ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ»

Р.В. Моргунов

Кафедра русского языка и литературы
Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассказывается о сложности жанрового определения романа Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны». Подзаголовок этого произведения, написанный самим Чириковым («Поэма страшных лет»), позволяет иначе взглянуть на художественные задачи и идеи произведения.

Ключевые слова: Чириков, композиция, «Зверь из бездны», апокалипсис, литература о гражданской войне, «Поэма страшных лет».

В одной из своих самых известных работ М.М. Бахтин пишет: «Изучение романа как жанра отличается особыми трудностями. Это обусловлено своеобразием самого объекта: роман — единственный становящийся и еще неготовый жанр. Жанрообразующие силы действуют на наших глазах: рождение и становление романного жанра совершаются при полном свете исторического дня. Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей» [1. С. 194].

Эти слова актуальны и в наши дни, ведь становление романа как жанра так и не произошло. По-прежнему пластичность этого жанра, равно как и его жанрообразующие силы, открывают перед нами все новые и новые его возможности. Сложность изучения романа также отмечает Бахтин: «Роман — не просто жанр среди жанров. Это единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров. Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории и поэтому глубоко сродный ей, в то время как другие большие жанры получены ею по наследству в готовом виде и потому приспособляются — одни лучше, другие хуже — к новым условиям существования. По сравнению с ними роман представляется существом иной породы» [1. С. 195]. Все эти замечания известного филолога и философа оказываются значительными при анализе любого романа, но особенный интерес к ним проявляют те литературоведы, кому приходится сталкиваться с некой неопределенностью жанра в изучаемом произведении. Одним из таких произведений является книга Евгения Николаевича Чирикова «Зверь из бездны».

Роман, написанный Е.Н. Чириковым в 1922—1924 годах, опирающийся на реальные события, показывает картину революционной эпохи на примере жизни двух братьев Паромовых. Впервые он вышел на чешском языке, затем было издание на датском. «Зверь из бездны» имел успех у читательской публики, но, как это часто бывает, вызвал неоднозначную реакцию критиков. Критики оказались недовольны растянутостью повествования, мелодраматизмом, излишней публицистичностью и философствованием. Были недовольны и «историческим» содержанием произведения, его идейной основой. Сам автор на все это отвечал,

что в своей книге ставил перед собой не «историческую», а «чисто психологическую задачу обнажения в человеке, под влиянием братской междоусобицы, „зверя“, разрушающего в душе вообще культурные и, в частности, христианские ценности» [4. С. 830].

В своем произведении Е.Н. Чириков стремится к объективности осмысления и описания действительности. Автор не принимает ни одну из сторон гражданской войны. Само отношение к войне как таковой наследует традицию лучших образцов русской классики. Все это роднит роман с эпопеей Л.Н. Толстого «Война и мир».

Жанр произведения «Зверь из бездны» не должен вызывать вопросов, так как даже в предисловии автор пишет: «Роман мой — сама жизнь» [4. С. 630]. Да и последующее наблюдение за объемом, композицией, героями лишь подтверждают эту мысль.

Однако если посмотреть на титульный лист первого издания книги, выполненного, кстати, старшей дочерью писателя Людмилой, то после крупно набранного названия значится подзаголовок: «Поэма страшных лет». Что же заставило писателя не только дать своему произведению два названия, но и говорить о нем применительно сразу к двум жанрам?

Названия, пожалуй, не вызывают вопросов. Во-первых, они органично сочетаются друг с другом, в чем-то даже дополняя, помогая осознать содержание и идею книги. Во-вторых, главный заголовок можно назвать традиционным, знаковым, в то время как подзаголовок представляет собой чуть ли не личное отношение писателя к событиям своей книги.

Жанровое определение произведения может быть и не вызвало бы вопросов, если бы сам автор не поставил в подзаголовке слово «поэма». Следует отметить, что в литературе XX века произошло такое расширение жанровой системы, что в последнее время некоторые исследователи «пытаются отрицать жанровую определенность и закономерность развития жанровых форм» [3. С. 107]. Однако история литературы — это процесс именно развития жанровой системы, возникновение и постоянная актуализация тех или иных видов жанров. Так, например, популярный в Средние века рыцарский роман в результате исторического развития был вытеснен плутовским романом, последний — сентиментальным и т.д. Характерная тенденция XX века — возникновение новых видов жанров при взаимодействии различных жанровых традиций. Так, достижения психологического романа, перенесенные в драматургию, создали психологическую драму, а столкновение притчи, исторического повествования и романа — своеобразный жанр развернутого эссе (А. Франс, Э. Хемингуэй, А. де Сент-Экзюпери, Г.К. Честертон).

Для того, чтобы понять замысел Е.Н. Чирикова, соединяющего два таких жанра, как роман и поэма, определим самые существенные черты каждого из этих жанров. В учебнике А.И. Горшкова описание жанровой особенности романа занимает полторы страницы, поэтому не видим смысла приводить его целиком, однако отметим наиболее значительные характеристики романа: «Роман... наиболее сложный по строению и значительный по объему вид эпической словесности... Роман дает развернутую, со многими подробностями, картину жизни героев на фоне жизни всего общества изображаемого времени» [2. С. 234].

В том же учебнике есть и подробное определение такого жанра, как поэма: «В основе поэмы лежит повествование о событиях или событии, по мере развертывания которого создаются образы главных и второстепенных персонажей, что и делает поэму видом эпической словесности. Однако в поэме в большей или меньшей степени всегда присутствует открытая субъективная авторская оценка изображаемого, непосредственное выражение авторских чувств и мыслей, иначе говоря, всегда присутствует лирическое начало» [2. С. 236].

Получается, что в книге Е.Н. Чирикова должна быть некая авторская оценка изображаемого. А как же тогда стремление автора к объективности и беспристрастности изображаемого?

Частично это объяснение можно обнаружить в предисловии к произведению, которое написал сам Евгений Николаевич в 1922 году. Посвятив свою книгу «братскому чешскому народу», писатель все же надеялся, что произведение привлечет внимание и его соотечественников, пусть даже и не в ближайшем будущем. Выделяя эти две категории читателей, Чириков отмечает и два совершенно разных уровня восприятия своего произведения. Например, для современников эта книга окажется романом: «Занося в свою художественную летопись правдивую историю о том, как люди жили, ненавидели и любили в наши страшные годы, я не выхожу из рамок свидетеля о настоящем. Все, что здесь описано, я либо видел, либо пережил. Роман мой — сама жизнь. В нем мало выдумки и сочинительства. Жизнь превзошла искусство и оставила далеко позади нашу авторскую изобретательность. Ни придумывать, ни сочинять нам, современным авторам, уже нечего: жизнь сама стала величайшим автором, преступившим все установленные нами законы и формы литературного творчества. Естественно поэтому, что и роман мой носит отпечаток того хаоса обломков, вещественных и невещественных, среди которого мы живем и действуем...» [4. С. 478].

Совсем иначе, по мнению Чирикова, оценят эту книгу потомки: «Пройдет сто лет — не останется на земле ни одного из нас, живущих в грозе и буре. Все пережитое нами, воплощенное в радостном творчестве под пером художников слова и под кистью художников красок, будет с непреодолимой силой притягивать к себе умы и души грядущих поколений, и они в „Великой русской революции“ увидят только величественную и захватывающую поэму человечества, рождающую в них сожаление, что все это давно уже миновало, и зависть к нам — к тем, „кто посетил сей мир в его минуты роковые“. Даже наши муки, наши страдания, если еще и будучи заметны за пеленою многих годов, покажутся потомкам нашим страницами прекрасной трагедии, возвышающей душу человеческую. И не один читатель пока еще ненаписанных книг о днях нашей жизни, посидевшая в теплом и светлом кабинете в долгий зимний вечер, оторвавшись от чтения, застынет в раздумьи, с устремленными в туман прошлого взорами, и, вздохнув, мысленно скажет: „Ах, зачем я не жил в прошлые века!“» [4. С. 472].

Таким образом, автор сам признает неоднозначность и неоднородность своего произведения. С одной стороны, произведение историческое, с другой — слишком личное и мелодраматичное. Все исторические изменения, которые происходят в романе, происходили и на самом деле, хотя главные герои никак не влияют на эти события, а скорее просто фиксируют их. По этим историческим событи-

ям можно определить период истории, который так или иначе отражается на событиях жизни героев произведения. Например, в конце первой части встречается такой эпизод: «Когда страшная птица скрылась за горами и вся природа, взволнованная ею, снова пришла в блаженное прозрачное спокойствие, Лада вернулась и узнала: прилетал Соломейко и его механик. Привез новости: борьба будет продолжаться, организуется снова белая армия, Крым укрепляется, и уже объявлена мобилизация...» [4. С. 638].

Из этого отрывка можно понять, что первая часть книги заканчивается летом 1919 года, когда контроль над Крымом получила Добровольческая армия под командованием генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского (1867—1920). Генерал-лейтенант понимал, что в его распоряжении слишком малочисленные войска даже для контроля над такой территории как Крым, а противостоять еще и армии большевиков вообще было невозможно. По этим причинам Май-Маевский объявил мобилизацию всех боеспособных жителей полуострова, что, естественно, вызвало недовольство местного населения. Мобилизация вскоре стала носить насильственный характер, что так же отражено в романе, хотя и появившееся, как у Бориса, желание воевать нельзя назвать исключением.

Показательна в этом случае и реакция Лады: «Целую ночь сидела на скале-вышке, как белое мраморное изваяние, и спрашивала сверкающее звездными отражениями море:

— Когда же конец? Когда конец?..» [4. С. 629].

Лада одинока, но обращается она к всеобъемлющим морю и звездам.

Так в книге соединяются личное и историческое, символическое и конкретное, а главное, эпическое и лирическое, т.е. соприкасаются роман и поэма.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Горшков А.И.* Русская словесность. — М., 2000.
- [2] *Бахтин М.М.* Эпос и роман. — СПб., 2000.
- [3] *Литературный энциклопедический словарь.* — М.: Сов. энциклопедия, 1987.
- [4] *Чириков Е.Н.* Зверь из бездны. — СПб., 2000.

PROBLEM OF A GENRE OF THE NOVEL OF E.N. CHIRIKOVA «ANIMAL FROM A CHASM »

R.V. Morgunov

Department of Russian Language and Literature
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In article it is told about complexity of genre definition of the novel of E.N. Chirikova «Animal from a chasm». The subtitle of this product written by Chirikov «A poem of terrible years» allows to look at art problems and ideas of product differently.

Key words: Chirikov, composition, «Animal from a chasm», an apocalypse, the literature on civil war, «A poem of terrible years».